

Глава 5

КАТАЛОГИ И ЭТИКЕТКИ МУЗЕУМА ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИРАЛТЕЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА

В известном смысле задача атрибуции вещей из старинных коллекций МАЭ сводится к разграничению двух больших комплексов вещей — поступивших в собрания Академии наук из Музеума Государственного Адмиралтейского департамента («Адмиралтейский Музеум» или «Адмиралтейский музей») и уже находившихся к тому моменту в Музее Императорской Академии наук («Академический музей» или «Академический Музеум»)¹. Иначе говоря, если мы научимся проводить границу между МГАД (1805–1827) и Музеум ИАН (1803–1836), определение провенанса той или иной отдельной вещи становится чисто технической задачей. Единственная сложность состоит в том, что в предлагаемых условиях выполнение этих двух задач приходится осуществлять не последовательно, а параллельно, используя метод постепенных приближений. Вместе с тем в связи с фактом передачи вещей из одного учреждения в другое, становится актуальной модель включения «меньшего» в «большой» объем так, что предположительно коллекции МГАД должны каким-то образом «высвечиваться» на более «темном» фоне собраний Музея Академии наук.

Безусловно, подобные исследования следует проводить с учетом того, что при постановке более конкретных задач по документальной идентификации предметов из старинных поступлений неизбежно возникает вопрос понимания («чтения») отдельных статей тех или иных списков или каталогов. Принимая во внимание некоторый опыт исследования каталогов Кунсткамеры, следует сказать, что основная трудность состоит в том, чтобы проникнуть в смысл

¹ В скобках обозначены названия, встречающиеся как в делах Музея Академии наук в первой трети XIX в., так и в списках МАЭ на рубеже XIX–XX вв. (см., например: [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. № 4. Л. 57]).

наименований вещей в старинных каталогах, понять, какие реальные денотаты, или классы предметов материальной культуры, стоят за теми или иными названиями. Во-первых, это связано с изменением значений слов в современном языке, многие из которых давно вышли из употребления. Некоторые слова, встречающиеся в старинных реестрах, часто не учтены даже в фундаментальных изданиях, специально посвященных словарному составу русского языка того времени. Во-вторых, как таковые вещи, относящиеся к традиционной культуре различных регионов мира, с трудом поддаются европейской классификации, поэтому составителям старинных каталогов приходилось включать свою фантазию, подбирая наиболее близкие, как им казалось, аналогии в европейской материальной культуре.

Такие спонтанные ассоциации, может быть, очевидные для людей, живших в конце XVIII или начале XIX в., во многих случаях оказываются совершенно чуждыми нашим представлениям. Не говоря уже о лапидарности характеристик предметов в старинных списках. Определения вроде «продолговатая палица», «узкая палица», «меч», «сабля» и пр. часто подменяют реальную функцию предметов, смешивая предметы принципиально различного бытового назначения. Последнее обстоятельство накладывает существенные ограничения на использование метода прямого подбора при сопоставлении списков с наличными предметами (в указанных условиях этот метод практически не работает). Порой характеристика предмета бывает столь условной, что в современных музейных описях или каталогах он попадает в разряд «предметов неизвестного назначения».

Хорошим подспорьем при «расшифровке» старинных списков являются этикетки на предметах. Однако на музейных предметах сохранилось не так много этикеток для выделения целых рядов, в которых можно усмотреть параллели известным каталогам. Возникает дилемма: либо существующие каталоги не имеют собственной нумерации, либо само существование такого рода каталогов остается под вопросом. Бывает даже трудно определить, с какой ситуацией мы сталкиваемся — с отсутствием информации о местонахождении каталога или с невозможностью распознать искомый каталог в хорошо знакомом списке. Для этого необходимо датировать имеющиеся в нашем распоряжении списки, что нередко само по себе является непростой задачей.

Наконец, изучение музейных документов всех типов, каталогов и этикеток, номерных или текстовых, показывает, что при изготовлении этикеток нередко допускались ошибки. Этикетки, соответствующие одним предметам, могли наклеиваться или навешиваться на «чужие» предметы в момент поступления. Точно так же при регистрации по копенгагенской системе в конце XIX — начале XX в. этикетки, снятые с предметов, могли вклеить на «чужие» места в описи. А поскольку при обновлениях каталогов предметы часто переходили из списка в список целыми группами, ошибка при идентификации одного предмета распространяется на весь ряд, нарушая исходный алгоритм данной группы предметов. В конечном счете мы имеем дело с комбинаторной задачей довольно высокого порядка.

Все это мы уже «проходили» в предыдущей главе настоящей книги. Задача полномасштабной атрибуции старинных коллекций является в принципе разрешимой, по крайней мере в стенах Музея антропологии и этнографии. Каждая из задач, выступающих в качестве составных элементов проблемы атрибуции в целом, имеет свое стандартное решение, связанное с различными формами внешней и внутренней критики музейных или архивных документов. Информация, которую нельзя извлечь непосредственно, то есть простым считыванием данных со старинных списков, может быть получена путем их анализа по тем или иным признакам с привлечением внешних ресурсов, то есть данных этнографического, географического, исторического или естественно-научного характера. Надо только помнить о системном подходе, который в нашем случае находит свое выражение в установке на идентификацию каждого отдельного предмета посредством идентификации всей совокупности поступлений в рассматриваемый период истории. Так что в качестве «генерального списка» старинных предметов из МАЭ выступает система всех «возможных находок»: реестров, ведомостей, журналов, описей, рапортов и т.п.

Разумеется, может оказаться и так, что история МАЭ в части обеспеченности архивными материалами по истории коллекций представляет собой уникальное явление в сравнении со многими именитыми европейскими музеями. Однако в России существует (ведь с известной точки зрения для истории нет прошедшего времени) еще один музей, система учета и хранения в котором строилась по тем же «бюрократическим» образцам, а именно Музеум Государ-

ственного Адмиралтейского департамента, учрежденный в 1805 г. на основе Модель-камеры Петра Великого и упраздненный по императорскому указу в 1827 г.

Ведомость редкостям (1828)

Одним из главных свидетельств передачи коллекций расформированного Музеума в собрания Академии наук для историков МАЭ всегда выступал документ под названием «Ведомость Редкостям, отданным из Музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук» (в дальнейшем — Ведомость редкостям); на титульном листе стоит дата: «1826 года Генваря дня».

Неопределенно долгое время, по крайней мере с начала XIX в., Ведомость редкостям хранилась в различных отделах МАЭ, курировавших коллекции по Австралии и Океании и вплоть до 2005 г., то есть до передачи в отдел учета и хранения МАЭ, не имела архивного номера. Формально этот документ является исчерпывающим списком всех предметов этнографического и зоологического характера, находившихся в помещениях МГАД (в здании Адмиралтейства) в октябре 1827 г.

При всей очевидности исторической ценности Ведомости она пока остается малоизученным документом. Во-первых, дата, поставленная на титуле, явно противоречит фактам. Как уже было упомянуто, указ императора Николая I о передаче этнографических, нумизматических и естественно-научных коллекций Музеума в Академию наук был издан 19 октября 1827 г. Во-вторых, несмотря на то что данный документ держали в руках представители многих поколений исследователей, воспользоваться им в целях идентификации означенных в нем предметов практически не удавалось в силу ограниченности метода подбора.

Ведомость редкостям МАЭ существует в трех списках, которые, по всей видимости, в начале XX в. были помечены карандашом, соответственно: Экз. 1, Экз. 2, Экз. 3 [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 16/1, 2, 3]. Не имея достаточного места для раскрытия наших выводов, основанных на сличении почерков, орфографии, содержания пометок и изучении сопутствующих архивных документов, представим основные результаты относительной датировки этих списков. Вероятно, наиболее ранним, представляющим собой ори-

гинал документа, является список с пометкой «Экз. 2». Этот список датируется весной 1828 г. Как будет показано ниже, его создание непосредственно связано с началом передачи вещей, поступивших из Адмиралтейского департамента, на хранение отдельным лицам. Экземпляр № 1 относится к середине XIX в., возможно, ко времени не ранее конца 1850-годов. Экземпляр № 3 датировать сложнее, но в данный момент этот вопрос не является для нас решающим.

По всей видимости, само появление двух копий объясняется неоднократными попытками расшифровать Ведомость редкостям — сначала хранителем Этнографического музея Л. Ф. Радловым, затем ученым хранителем Музея антропологии и этнографии Ф. К. Руссовым. Об этом мы можем судить не только по многочисленным пометкам интерпретирующего характера, но и по различию почерков нумерации статей (оригинальный список не имеет собственной нумерации).

На экземпляре № 2 рукой Руссова сделаны многочисленные подписи карандашом, касающиеся источников поступления различных предметов. Над строкой «Веер для обмахивания мух один» надпись «Капит. 2 р. Головнин 1819»; над строкой «Масок Ситхинских жителей двенадцать» надпись «5. К.л. Повалишин и Лисянский 1806»; на свободном месте в конце строки «Тюленых шкур, служащих вместо поплавков шесть» есть надпись «К. Л. Хрущов 1824 г.». Вероятно, нет необходимости приводить все подобные надписи. Достаточно перечислить имена и годы в порядке появления их в тексте: «Капитан 2 р. Головнин 1819 г.», «Кап.Лейт. Повалишин и Капитан Лисянский 1806», «Кап. Лейт. Гагенмейстер в 1819», «К.Л. Лазарев 1822», «Капитан Коммандор Беллинсгаузен в 1821 году», «К.Л. Хрущев 1824 г.», «Найдено у Лейт. Завалишина в 1826 г.»¹, «Кап. Лазарев 1824», «Штаб лекарь Штейн в 1822 году». Датировать эти пометки Руссова позволяют две записи для памяти. На последнем листе читаем: «*NB Обратиться за справками в Главный Морской Штаб к Начальнику Морского Штаба Ген. Адм. Оскару Карловичу Кремеру*». И ниже: «*Начальник Архива Морского Мин^{ства} Чубинский*».

Согласно «Общему морскому списку», вице-адмирал Оскар Карлович Кремер исполнял должность начальника Главного морского штаба в 1888–1896 гг. [Общий морской список 1893, X: 444–

¹ Список вещей, найденных на квартире Д. И. Завалишина при обыске в 1826 г.

449]. Василий Григорьевич Чубинский был начальником Архива Морского министерства в 1863—1892 гг. (скончался 29 января 1895 г.). Таким образом, путем взаимного наложения указанных временных интервалов мы можем датировать пометы Руссова на Ведомости редкостям 1888—1892 гг. Или — еще точнее — периодом до 1891 г., когда Руссов, наверное, обращался в Архив Морского министерства при подготовке экспозиции МАЭ и Путеводителя 1891 г.

Чтобы не вводить читателя в заблуждение, отметим, что на всех трех экземплярах есть различные пометки на русском и немецком языках, принадлежащие Ф. К. Руссову, Е. Л. Петри и К. К. Гильзену. Забегая вперед, можно сказать, что, например, на Ведомости «Экз. 1» мы находим множество пометок Руссова, указывающих на присутствие на предметах «белых» и «узких» этикеток Музеума Адмиралтейского департамента, а также пометок Петри в виде соответствующих номеров, сделанных при работе над описью № 736. Ею же на полях справа делались примечания относительно наличия тех или иных вещей, сопоставляемых с теми или иными строками Ведомости. Гильзен ставил временные номера по своему карточному каталогу и т.п. Вполне вероятно, что, расшифровав все пометки, мы сможем существенно уточнить топографию некоторых вещей в МАЭ конца XIX — начала XX в.

По структуре Ведомость редкостям делится на несколько частей, которые, как уже сказано, группируются по признаку принадлежности предметов к двум разрядам вещей: этнографическому и зоологическому. Этнографические вещи классифицируются по региональному принципу: «Сандвичевы острова» / «Острова Отаити» / «Новой Гвинеи» / «Острова Маркиза Мендозы и Вашингтоновы» / «Острова Суматры» / «Опасного архипелага» / «Островов Пенринских» / «Островов Графа Румянцова» / «Островов Общества» / «Островов Дружества» / «Островов Фиджи, Оно, Анны и прочих» / «Островов ново-гебридских» / «Новой Зеландии» / «Китайские» / «Японские» / «Татарские» / «Нового Альбиона» / «Алеутские острова» / «Разных островов Восточного Океана». Зоологические вещи распределяются по классам животных (хотя данная схема не всегда выдерживается): «По классу млекопитающих животных» / «По классу птиц» / «По части Зоологии». В последний раздел, помимо чучел млекопитающих и птиц, входят пресмыкающиеся, ракообразные, моллюски (раковины), кораллы и насекомые (см. приложение 7).

Ведомость редкостям имеет свою историю. Первый по времени документ с идентичным названием был сравнительно недавно найден автором в РГАВМФ (в дальнейшем — Ведомость редкостям из РГАВМФ). На титульном листе стоит дата «1828 года Генваря 26 дня» [РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 11]. Так что теперь известно точное время, когда был подписан акт передачи этнографических вещей из Музеума Адмиралтейского департамента в Академию наук. И раньше можно было предполагать, что дата, поставленная на Ведомости редкостям МАЭ, представляет собой ошибку переписчика, но до сих пор были известны лишь документы, указывающие на время передачи вещей из Адмиралтейского департамента в академию косвенным образом, по контексту переписки между ведомствами и инстанциями до или после того, как состоялся официальный акт приема вещей.

До одной из публикаций в Радловском сборнике за 2007 г.¹ как бесспорная дата передачи вещей из МГАД в Академию наук 1828 г. указывался только в статье Дэвида Аттенборо и в книге Л. А. Ивановой, но без каких-либо обоснований со ссылками на конкретные источники [Attenborough 1990: 42; Иванова 2005: 142, 162]. В 2005 г. С. Ю. Курносов, А. Л. Ларионов, Е. С. Соболева под рубрикой «Передача предметов в Академию наук и в Кунсткамеру» (опять-таки без каких-либо комментариев) опубликовали несколько документов из РГАВМФ, датированных 1826, 1827 и 1828 гг. Однако они не имели в виду проблему датировки: «1826 или 1828 г.» (см.: [Курносов, Ларионов, Соболева 2005: 388–390]). Обычно исследователи ориентировались на ошибочную дату, поставленную на титуле Ведомости редкостям из МАЭ (см.: [Шафрановская, Азаров 1984: 16; Федорова, Федорова 2006: 17]). Трудно даже предположить, как дата «1826 г.» появилась на Ведомости редкостям из МАЭ. Может быть, где-то в исходном локусе она копирует цифру «1826», являющуюся элементом филигрании бумажных листов, на которых составлена Ведомость, а может быть — число месяца подписания акта передачи — «Генваря 26 дня».

К сожалению, дата «1826» до настоящего времени продолжает использоваться в различных изданиях, зачастую наряду с датой «1830». Само по себе появление в литературе двух различных и в то

¹ См.: [Белков 2007: 45–55].

же время неверных датировок объясняется, с одной стороны, наличием двух упомянутых дат на обложке описи коллекции № 736, которую в 1903 г. регистрировала Е. Петри, с другой — указанием в качестве даты поступления на 1826 г., а в качестве собирателя — на Ф. П. Литке в старом инвентаре МАЭ (см. подробнее: [Иванова 2009: 121]). Отсюда возникает альтернативная, но тоже ошибочная дата «1830» («...если собирателем является Литке, значит, коллекция поступила в 1830 г.»), которая затем оказывается на обложке Описи № 736.

В недавно вышедшем каталоге М. Ганна (M. Gunn) “Atua. Sacred gods from Polynesia” (2014) вещи из МАЭ датируются периодом “before 1826” или “before 1830” [Gunn 2014: 180, 191, 214]. Конечно, автор каталога даже не подозревает, что обе даты являются ложными и плюс ко всему отсылают читателя к одному и тому же событию — передаче вещей из МГАД в Академию наук в 1828 г. Очевидно, что он во всем полагается на одну из логических конструкций Кепплер (см.: [Каерплер 2003: 34]). В главе 6 у нас еще будет повод вернуться к этому вопросу.

Передача коллекций Музеума Адмиралтейского департамента в Музей Академии наук

В Журнале Этнографического музея, хранящемся в отделе учета и хранения МАЭ, есть выписка из протокола заседания Конференции Академии от 7 ноября 1827 г. На этом заседании зачитывалось извлечение из «формы» Комитета правления академии с копией предложения президента, касавшегося императорского рескрипта от 19 октября 1827 г. [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 1. Л. 54 об.]. В записях Журнала за 1828 г. приводится выписка из протокола заседания Конференции (от 5 марта 1828 г.). На этом заседании читали отношение Комитета правления по поводу копии «каталога вещей из Музея бывшего Адмиралтейского департамента, которые по высочайшему указу были переданы в Академию» [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 1. Л. 54 об.].

В свое время можно было полагать, что суждение о поступлении вещей в «Кунсткамеру в 1828 г. из МГАД», высказанное Л. А. Ивановой в 2005 г., основано на выписке из Журнала Этнографического музея. Как кажется, статья Л. А. Ивановой 2009 г. опро-

вергает это предположение¹. В ней она вместе с указанием на пометы Руссова на Ведомости редкостям из МАЭ («Журн. 1828 Марта 5» и «Вещи приняты / академ.: Загорский, Триниус, советник Бекманн² и г. Менетрие») утверждает, что дата «5 марта 1828» определяет действительное время поступления в академию вещей из Адмиралтейского музея [Иванова 2009]. По-видимому, в 2005 г. Л. А. Иванова руководствовалась не собственно архивными документами 1820-х годов, когда происходила передача вещей в академию, а пометкой Руссова конца XIX в.³ (Как кажется, сам Руссов не придавал своим пометкам такого значения, определенно принимая

¹ В 2009 г. в журнале «Этнографическое обозрение» была опубликована статья Л. А. Ивановой «“Ведомость редкостям, отданным из Музеума бывшего Государственного Адмиралтейскаго Департамента в Императорскую Академию наук” (характеристика, датировка, состав)». О Ведомости редкостям из МАЭ в ней говорится как о «никогда не публиковавшемся документе» (см.: [Иванова 2009: 107]). По всей вероятности, она не заметила нашу статью 2007 г., в которой специально рассматриваются вопросы характеристики, состава и датировки Ведомости редкостям [Белков 2007]. В частности, в указанной статье описывается структура Ведомости и пометки на ней Руссова, соотносящие отдельные вещи со сборами известных российских мореплавателей. В ней представлены все основные факты и положения, на которых в статье Л. А. Ивановой делается особое ударение: 1) Ведомость редкостям из МАЭ с пометкой «Экз. 2» характеризуется как оригинал по отношению к копиям с пометками «Экз. 1», «Экз. 3» и датируется началом 1828 г.; 2) передача вещей датируется не 1826, а 1828 г.; 3) указывается дата «5 марта 1828 г.», правда, в качестве даты получения копии Ведомости (по выписке из Журнала Этнографического музея). В той же статье упомянуто о подписании акта передачи «1828 Года Генваря 26», как и обозначено на титульном листе Ведомости редкостям из РГАВМФ. Несколько запоздалая статья Л. А. Ивановой 2009 г. представляет историографический интерес в том отношении, что в ней мы находим возможный ответ на вопрос, почему в книге 2005 г. она датирует передачу предметов в Академию наук именно 1828 г.

² Видимо, речь идет о надворном советнике Андрее Петровиче Бекмане, исполнявшем должность советника Комитета правления Императорской Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1 — 1827. № 25. Л. 288; Ф. 4. Оп. 2 — 1828. № 17. Л. 10]. Под Ведомостью редкостям из РГАВМФ стоит подпись «Советник Бекман» [РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 11].

³ Вообще, идея изучения истории МАЭ по пометам Руссова кажется сомнительной.

за дату передачи вещей из «Морского музея» (“Marine-Museum”)¹ 1827 г., то есть год издания указа о расформировании МГАД [Russow 1900: 29–30].)

Довольно странно с точки зрения истории Академии наук выглядят рассуждения Л. А. Ивановой по поводу того, какой именно журнал имел в виду Руссов. «Вероятнее всего, — пишет она, — Журнал комиссии ИАН за 1828 г., представляющий собой протоколы заседаний членов Академии наук по различным вопросам, в том числе и касающимся поступления в Кунсткамеру этнографических, зоологических и других коллекций» [Иванова 2005: 111]. Совершенно верно, на заседаниях Конференции Академии наук рассматривались вопросы, в том числе связанные с приобретением коллекций. Однако Руссов имел в виду Журнал Комитета правления Академии наук (Комиссия Академии наук — 1766–1803 гг. — прекратила свое существование с принятием Устава Академии 1803 г.). Кстати говоря, запись под 1828 г. в Журнале Этнографического музея достаточно ясно на это указывает: “Extrait du Journ. du Com. admin. de 5 Mars N 1002 — transmet la copie d’un Catalogue des Objets du Musée de cidevant Dept^{mt} de l’Amiralite, qui par un ordre Suprême ont été cédés a l’Academie”. Ни о каком приеме вещей из МГАД речь не идет. 5 марта 1828 г. на заседании Конференции зачитывалась выписка (extrait) из Журнала Комитета правления относительно получения копии «Каталога» МГАД, то есть Ведомости редкостям. Под «Каталогом» подразумевается одноименный Ведомости редкостям из МАЭ документ, хранящийся ныне в трех экземплярах в СПбФ АРАН. Под этим документом и стоят подписи лиц, упомянутых в примечании Руссова [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. № 4. Л. 29–72 об.].

Здесь же надо отметить, что в письме Уварова Шишкову от 28 октября 1827 г. по поводу передачи вещей в Академию наук, в частности, говорится: «Сверх того и описи оным вещам не имеется в Музеуме» [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. № 341. Л. 7].

¹ Официальное название «Морской музей» возникло в 1866 г. только вместе с учреждением Морского музея (1866–1924). Название «Морской Музеум» по отношению к МГАД используется как в Каталоге Н. М. Баранова (1866), так и в книге С. Ф. Огородникова (1909) [Баранов 1866: 2; Огородников 1909: 9]. В 1995 г. термин «Морской музей» при посредничестве названия соответствующего фонда РГАВМФ вновь появился в работе Е. С. Соболевой (см.: [Соболева 1995: 220–229]). В публикации 2007 г. эта ошибка была исправлена [Курносков, Ларионов, Соболева 2007: 334].

За окончательным разъяснением обратимся к другим источникам, что избавит нас от необходимости заниматься расшифровкой криптограмм Руссова:

В ученое Собрание Императорской Академии Наук. Выписка из журнала Комитета Правления оной Академии февраля 28 дня 1828 года

Полученныя при предложении Его Превосходительства Г. Президента Академии от 17 февраля за № 86 три описи принятым по Высочайшему повелению из Адмиралтейскаго Музеума разных вещейам, животных, набитых птиц, насекомых, костей, корраллов, раковин и минералов Комитет Определил: препроводить в копии в Ученое собрание для сведения которыя у сего и прилагаются».

Ниже приписка: «В отношении же расположения их Его Пр-во приказ Г. Президент положил приостановиться впредь до личного их обозрения оных.

№ 1002

Марта 5 дня

1828 года Столоначальник Дмитриев

[СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1828. № 17. Л. 7]

На заседании Конференции Академии наук 5 марта 1828 г. была зачитана выписка из журнала Комитета правления Академии от 28 февраля 1828 г.:

Полученные при Предложении Его Превосходительства Г. Президента Академии от 17го февраля за № 86 три описи (sic! — П.Б.) принятым по Высочайшему повелению из Адмиралтейскаго Музеума разных вещей, животных, набитых птиц, насекомых, костей, корраллов, раковин и минералов Комитет определил: Препроводить в копии в Ученое Собрание для сведения, которые у сего и прилагаются. В отношении же расположения их Его Превосходительства Г. Президент положил приостановиться, впредь до личного обозрения оных. Секретарь Яковлев¹.

[СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. № 4. Л. 57]

¹ Яковлев Илья Николаевич, коллежский регистратор [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. № 315. Л. 448].

Особый интерес представляет рапорт «экзекутора Галактионова»:

В комитет Правления Императорской Академии Наук

Рапорт

Для переноски из Главного Адмиралтейского Музеума в Кунсткамеру вещей заказано было сделать больших корзин 10 по 2 р. 50 к. за каждую и куплено для сего же бичевков 13 пучков по 1 р. 30 <...> Исправляющий должность экзекутора Галактионов.

[СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1828. № 17. Л. 7]

Из прилагаемой к рапорту выписки следует, что деньги Галактионову «за купленные корзины и прочее» были выданы кассиром 14 марта 1828 г. Если идти обратным ходом, от настоящего к прошлому, о том, что происходило в феврале, мы узнаем из отношения В. М. Головнина генерал-гидрографу Г. А. Сарычеву от 20 февраля 1828 г.:

Господину Генерал Гидрографу.

Как известно, что за отдачею части Музеума в Императорскую Академию наук осталось много порожних шкафов и других вещей, то Кораблестроительный Департамент почтнейше просит Ваше Превосходительство уведомить Департамент, какие шкафы и другия вещи остались за отдачею части Музеума в Императорскую Академию Наук и сколько имянно: и неможно ли оныя обратить на другия потребности.

Генерал Интендант Головнин.

[РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 26]

Теперь ясно, что означает пометка Руссова «Журн. 1828 Марта 5» на Ведомости редкостям из МАЭ. По-видимому, он не определил, что на заседании Конференции 5 марта 1828 г. рассматривались три копии, ныне хранящиеся в СПбФ АРАН. Другая пометка «Вещи приняты / академ.: Загорский, Триниус, советник Бекман и Менетрие» прямо никак не связана с первой. В ней перечисляются лица, назначенные президентом Академии наук для участия в работе «Коммисии, учрежденной для освидетельствования и сдачи Музеума» со стороны академии, то есть лица, чьи подписи стоят под разными ведомостями,

по которым коллекции МГАД принимались в собрания Академии наук. Вот как это происходило, если следовать документам.

17 января 1828 г.

Предписание № 129 Генерал-Гидрографа:
Господину Директору Гидрографического Депо.

Согласно вашего от 7го Января сего года за № 3^м прошу вас распорядиться здачею в непродолжительном времени в ведомство Академии наук здешняго Музеума всех 6088 номеров принадлежащих к Кабинету естественной истории, а также: орудий, одежды, рукоделий, домашних утварей, разных нарядов и украшений диких народов и наконец все Римския медали, монеты разных Государств, о чем от меня с сим вместе писано к Г. Президенту Академии Наук Тайному Советнику Уварову, чтобы он с своей стороны сделал распоряжение о приеме оных, по окончании уже передачи всех сих предметов на законном основании предоставляю Вашему Превосходительству о сем меня уведомить. Подписали: Генерал Гидрограф Сарычев. Дежурный Штаб-Офицер Дохтуров¹. Верно: Секретарь Плеханов².

[РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 4]

17 января 1828 г.

(Письмо Сарычева Уварову)

Милостивый Государь Сергей Семенович.

Во исполнение высочайшего повеления о передаче в Академию Наук из Музеума бывшаго Адмиралтейскаго Департамента и поступившаго в Гидрографическое Депо всех тех предметов, кои не имеют никакого отношения к морскому искусству предписал я Директору Гидрографическаго Депо Генерал Майору Шуберту³ распорядиться о здаче всех таковых вещей.

¹ Дохтуров Павел Афанасьевич. 6 декабря 1827 г. произведен в капитаны 2-го ранга и назначен дежурным штаб-офицером в управление генерал-гидрографа. Оставался в этой должности до 1832 г.

² Плеханов Василий Яковлевич, титулярный советник, экзекутор и казначей Государственного Адмиралтейского департамента [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. № 315. Л. 288—280 об.].

³ Шуберт Федор Федорович, генерал-лейтенант, директор Гидрографического депо Главного морского штаба Его Императорского Величества (1827—1837) (см.: Общий Морской список. Алфавитный указатель к 12 ч. СПб., 1900).

О чем имея честь уведомить Ваше превосходительство, прошу покорнейше не угодно ли будет о скорейшем приеме следуемых из музеума в Академию вещей сделать и с Вашей стороны нужное распоряжение, а после почтить меня уведомлением.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Подписал: Г. Сарычев.
Верно: Советник Плеханов.

[РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 5]

19 января 1828 г.

Милостивый Государь
Гаврила Андреевичь.

Для скорейшаго приема следуемых по Высочайшему повелению из Музеума бывшего Адмиралтейского Департамента в собрание редкостей Императорской Академии Наук вещей назначены со стороны Академии Г.г. Академики Загорский, Триниус, Советник Бекман и Менетрие, о чем имею честь уведомить Ваше Превосходительство в ответ на Отношение от 17 сего Генваря за № 130^м, покорнейше прося вас, о таком назначении упомянутых лиц не замедлить известить кого следует.

В совершенном почтении и преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства
Покорнейшим слугою.
Сергей Уваров

[РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 6]

20 января 1828 г.

(Предписание Сарычева Гидрографического депо генерал-майору Шуберту)

Господину Директору Гидрографического Депо. Президент Императорской Академии Наук Тайный Советник Уваров отношением от 19го сего Генваря № 35^и уведомил меня, что для скорейшаго приема вещей из Музеума бывшего Адмиралтейского Департамента в собрание редкостей

в Императорскую Академию наук назначены со стороны Академии Г.г. Академики: Загорский, Триниус, Советник Бекман и Менетрие.

О чем уведомляя Ваше превосходительство, прошу с Вашей стороны сделать распоряжения что бы по прибытии оных Академиков в Музеум немедленно приступлено было к здаче оных вещей. Генерал Гидрограф Сарычев. Дежурный Штаб-Офицер Дохтуров. Верно: Секретарь Плеханов».

[РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 7]

21 января 1828 г.

(Предписание № 27 Гидрографического депо (1^е отделение))

Коммисии учрежденной для освидетельствования и сдачи Музеума.

В исполнение известнаго Коммисии Высочайшаго повеления от 19го октября прошлаго года Его Превосходительство Господин Генерал Гидрограф предоставил мне распорядить сдачу в Академию наук находящихся в Музеуме орудий, одежд, рукоделий, домашних утварей, разных нарядов, и украшений диких народов и всех Римских медалей и монет разных Государств. Для приема каковых вещей по сношению Его Превосходительства с Г. Президентом Академии наук, назначены Академики: Загорский, Триниус, Советник Бекман и Менетрие. Почему давая о сем знать Коммисии рекомендую сдать означенныя вещи на законном основании помянутым чиновникам и опись, по которой оные сданы будут, за общим подписанием Коммисии и чиновников, которыми те вещи будут приняты, представить в Депо.

Директор Генерал Майор Шуберт. Начальник Отделения <...> (неразборчиво. — П.Б.).

[РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 769. Л. 32–32 об.]

21 января 1828 г.

(По предписанию № 27 Гидрографического депо Главного морского штаба)

Сданы от Коммисии учрежденной для освидетельствования и сдачи Музеума с прочими вещами в Академию Наук в числе 372^х штук медали императоров.

[РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 1]

21 января 1828 г.

Доношение Г. Советника Комитета и Кав. Бекмана /от 26 сего генваря/ коим доносит представляет, что назначенная по Высочайшему Повелению в Кунсткамеру из Адмиралтейского Музеума разная вещи приемкою им в Кунсткамеру кончены и зданы в Кунсткамеру и в след за сим имеют быть представлены описи.

Определили: Рапорт Доношение хранить при делах, а об окончании Г. Советником Бекманом приема из Адмиралтейства вещей Донести Его Превосходительству Г. Президенту рапортом <...>

[СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1828. № 17. Л. 4]

23 января 1828 г.

Профессор Щеглов по «Списку примечательнейших экзотических предметов Естественной истории, хранящихся в Музеуме бывшего Адмиралтейского Департамента по зоологической и ботанической части» сдал вверенные ему вещи «Коммисии, присланной от Академии Наук».

[СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. № 4. Л. 73]

26 января 1828 г.

(Согласно дате на титульном листе Ведомости редкостям из Адмиралтейства) в Академию наук были приняты из Музеума Адмиралтейского департамента «искусственные редкости».

[РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 11–24]

1 февраля 1828 г.

(На предписании № 27 сделана пометка об исполнении)

По сему Предписанию Исполнение учинено и рапортовано с представлением ведомости об отданных в Академию вещей февраля 1^о дня 1828 года за № 3^а.

Колодкин¹

[РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 769. Л. 32]

¹ Колодкин Алексей Емельянович. В 1819 г. назначен управляющим чертежной [мастерской] Адмиралтейского департамента. 15 октября 1827 г. переименован в подполковника корпуса флотских штурманов. В 1825–1827 гг. сверх управления чертежной имел в своем ведении физические и астрономические инструменты и состоял членом коммисии, учрежденной «для освидетельствования и сдачи Музеума в разные ведомства». Скончался 16 мая 1851 г. [Общий морской список 1893, VII: 273–274].

Итак, по месяцам события распределялись, вероятно, следующим образом. В январе 1828 г. были подписаны акты передачи (вещи еще оставались на своих местах в стенах Адмиралтейства), в феврале 1828 г. освобождались шкафы, в которых хранились вещи, в марте 1828 г. в Академию передавались копии Ведомости и, предположительно, во второй половине марта переносились в корзинах в здание Музея Академии наук («Кунсткамеры»). В СПбФ АРАН, РГАВМФ и РГИА представлено множество документов, так что при желании историю передачи вещей из МГАД в Академию можно было бы проследить гораздо подробнее.

В предлагаемое нами описание последовательности событий несколько нестати вторгается уведомление графом Уваровым министра народного просвещения князя Шишкова в том, что «назначенные из Музеума бывшего Адмиралтейского Департамента вещи по описям приняты в Академию Наук и помещены в Собрания ея редкостей» [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. № 341. Л. 14]. Письмо датируется 17 февраля 1828 г., что противоречит рапорту экзекутора Галактионова, если его понимать в том смысле, что деньги за корзины для переноски вещей были уплачены вперед.

Однако, посчитав верной выписку из Журнала Комитета правления от 28 февраля 1828 г. («полученные при предложении Его Превосходительства Г. Президента Академии от 17 февраля за № 86 три описи принятым по Высочайшему повелению из Адмиралтейского Музеума разныхм вещам»), нам придется принять и дату: **17 февраля 1828 г.** Таким образом, согласно записке С. С. Уварова, вещи из Музеума были «помещены» в собрания Академии наук до 17 февраля 1828 г. В связи с этим выражаем особую признательность А. И. Терюкову, обнаружившему в РГИА фонд, опись и дело, в котором удалось найти столь ценную для нас информацию.

Далее укажем на то, что Ведомость редкостям из СПбФ АРАН, на которой стоит та же ошибочная дата «1826», по внутренней структуре, как и Ведомость редкостям из РГАВМФ, заметно отличается от Ведомости редкостям из МАЭ. Во второй части этих списков значатся не естественно-научные, а нумизматические коллекции, монеты и медали. Естественно-научные коллекции, поскольку они с 1825 г. были выделены в Кабинет естественной истории внутри Музеума, передавались «комиссии, присланной от Академии наук», отдельно, 23 января 1828 г., по особому «Списку примечательнейших экзотических предметов Естественной истории, хранящихся

в Музеуме бывшего Адмиралтейского Департамента по зоологической и ботанической части» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. № 4. Л. 73–76].

Изменение, внесенное в структуру Ведомости редкостям, интересно в связи с перераспределением обязанностей по хранению вещей, которое можно довольно точно датировать, а вместе с ним — и Ведомость редкостям из МАЭ. Как видно из записок того времени, первоначально заведование этнографическими и зоологическими коллекциями предполагалось поручить Э. П. Менетрие (с 1827 г. Менетрие именуется «Хранителем Зоологического Музея» (Conservateur de Musée Zoologique). Вследствие этого Менетрие занимался приемом из бывшего Музеума Адмиралтейского департамента как вещей «по части Зоологии», так и «разных редкостей жителей островов», но затем формулировка меняется. В Журнале Комитета правления появляется запись о том, что «Естествоиспытателю Менетрие» поручается принять (только) «по части Зоологии разная вещи» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1828. № 17. Л. 9, 10, 32]. Следовательно, в окончательном варианте было принято решение об отдаче в ведение Менетрие только зоологических коллекций. «Редкости», то есть этнографические вещи остались под управлением комиссара Ивана Алексева¹. Поэтому мы можем датировать Ведомость редкостям из МАЭ концом марта — началом апреля 1828 г., то есть временем, когда еще предполагалась передача этнографических вещей из Адмиралтейского департамента на хранение Менетрие.

Ведомость Бестужева (1825) и этикетки Музеума Адмиралтейского департамента (1819, 1822)

В ретроспективе история Ведомости редкостям имеет продолжение в документе, который стал известен этнографам только в последние годы и по которому в сентябре 1825 г. коллекции МГАД принял на хранение Н. А. Бестужев, а именно: «Ведомость когда и в каком виде, оказавшиеся при освидетельствовании налицо, по-

¹ Недавно нам наконец удалось найти в формулярных списках полное имя «комиссара Ивана Алексева»: Иван Алексеевич Алексеев [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. № 45. Л. 11–13]. До настоящего момента он был известен исследователям только по своей подписи под различными документами.

сле умершего чиновника 6го класса Глотова¹, в Музее относитель-но модель каморы, разного рода вещи, по силе Указа сего Департа-мента от 16 июля сего года за № 782^м, сданы Учрежденною на то Коммисиею, флота Капитан Лейтенанту и Кавалеру Николаю Бес-тужеву» (Ведомость Бестужева) [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 69–186]. В этом документе выделяется несколько разделов в по-рядке приема вещей с 7 по 27 сентября 1825 г.: «Модели», «Черте-жи», «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов», «Картины», «Медали», «Монеты». Часть этого документа, озаглавленная как «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 150–160 об.], является неоспоримым доказатель-ством принадлежности большого ряда вещей, ныне хранящихся в МАЭ, к коллекциям Музеума Адмиралтейского департамента (см. приложение 4).

Прежде при решении этой проблемы исследователи либо на-прямую полагались на Ведомость редкостям из МАЭ, сравнивая внешний вид вещей из старинных поступлений МАЭ с наименова-ниями статей, либо ориентировались на наличие особых печатных номерных и рукописных текстовых этикеток, сохранившихся на многих океанийских и американских предметах. С незапамятных времен истории МАЭ они считались «этикетками Адмиралтейского музея» (см. описание Е. Л. Петри). Вероятно, в конце XIX — начале XX в. связь между вещами и этикетками, *то есть между поступле-ниями и местами хранения*, была еще настолько очевидной, что при регистрации коллекций, когда этикетки снимались с предметов и вклеивались в карточки или описи, сотрудники МАЭ не считали необходимым приводить специальные доказательства принадлеж-ности этих этикеток Музеуму Государственного Адмиралтейского департамента.

В настоящее время предпринимаются попытки воспользоваться этим пробелом. Л. А. Иванова утверждает, что «узкие этикетки со знаком “№.” и точкой после числа» вовсе не являются («как счита-ется в МАЭ») этикетками Музея Адмиралтейского департамента» [Иванова 2005: 162–164]. Это опровержение серьезно искажает

¹ Глов Александр Яковлевич. В 1805 г. причислен к Адмиралтейско-му департаменту для смотрения за музеем. В 1818 г. назначен заведовать модельной мастерской. Скончался в 1825 г. [Общий морской список 1892, VI: 381].

историю ранних поступлений МАЭ и, как следствие, обесценивает научное и историческое значение созданных на их основе коллекций.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что сопоставление статей Ведомости Бестужева, датируемой 1825 г., из Музеума Адмиралтейского департамента с номерными и текстовыми этикетками определенного типа (печатные этикетки с номерами и рукописные текстовые этикетки, или «билеты» с краткими характеристиками предметов), сохранившимися на многих старинных предметах МАЭ, неопровержимо доказывает принадлежность этих этикеток, а следовательно, и связанных с ними предметов к упомянутому Музеуму [Белков 2007: 45–55].

Предыстория вопроса сводится к взаимоотношениям двух соперничающих версий. Согласно одной версии, естественным образом возникшей, вероятно, еще при первой регистрации по копенгагенской системе в конце XIX — начале XX в., этикетки упомянутого типа считаются «этикетками Адмиралтейского музея». Здесь основным аргументом могут служить указания в карточном каталоге К. К. Гильзена (1901) и в так называемой Ведомости редкостям — документе, по которому предметы из Адмиралтейского департамента передавались в Академию наук (1828). Ведомость редкостям вместе с пометками Руссова¹ на одном из экземпляров до сих пор являлась основным источником идентификации определенных предметов из МАЭ с дарениями российских мореплавателей [Корсун 2005: 117–119].

Наиболее законченный вид данная гипотеза приобретает в публикациях С. А. Корсуна, который рассуждает примерно так: поскольку этикетки рассматриваемого типа обнаружены на предметах из коллекции № 633, которая составлена из предметов, поступивших из Музеума Адмиралтейского департамента, предметы из дру-

¹ Как указывалось выше, судя по характеру пометок, сделанных карандашом, в Ведомости редкостям из МАЭ Руссов работал с сопроводительными списками дарителей и/или Генеральной описью Музеума Адмиралтейского департамента, найденными в Морском архиве, о чем говорит пометка с именем Чубинского на последней странице Ведомости редкостям. Однако эти документы никак не связаны с этикетками, поэтому не могут непосредственно использоваться в качестве источника информации о первоначальном происхождении предметов, переданных в Академию наук в 1828 г.

гих коллекций с аналогичными этикетками происходят из того же источника (работа К. К. Гильзена по выявлению всех американских предметов, относящихся к передаче 1828 г., осталась незавершенной, и многие предметы позднее были зарегистрированы под другими коллекционными номерами. — П.Б.) [Там же: 119–120]. Образец таких этикеток («№ 189») опубликован С. А. Корсуном (см.: [Корсун 2007: 117, рис. 9]).

Сторонником альтернативной версии выступает Л. А. Иванова. Она оспаривает факт принадлежности рассматриваемых этикеток Музею Адмиралтейского департамента на том основании, что наименование предмета № 736-225 с этикеткой такого типа («№. 203») отсутствует в Ведомости редкостям [Иванова 2005: 162–164]. Именно Ведомость Бестужева подтверждает первоначальную версию. Кроме того, предмет № 736-225 соответствует входной строке «Инструментов, называемых кумирами, которыми при играх управляет владетель острова, четыре» в Ведомости редкостям. В Ведомости Бестужева данный предмет значится как «Палочка, которую жители Сандвичевых островов употребляют при любимой их игре одна» и восходит к «Росписи редкостям собранным для Государственного Адмиралтейского Департамента» В. М. Головина (указ от 9 октября 1819 г.) [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 764. Л. 4–5].

Однако помимо Ведомости Бестужева существуют иные средства документального доказательства того, что «узкие этикетки» (по терминологии Л. А. Ивановой) соотносятся с Музеем Адмиралтейского департамента, стоит лишь обратиться к фондам РГАВМФ. Хотя в рассматриваемом отношении данный документ по своей ценности превосходит все другие источники, вместе взятые. Собственной нумерации Ведомость Бестужева не имеет, но уже в архиве в процессе переписывания этого документа становится видно, что наименования многих статей полностью совпадают с текстами так называемых «этикеток Адмиралтейского музея». Правда, здесь возникает другое «но». Подстановка порядковых номеров статей обнаруживает несовпадение с номерами этикеток данного типа. Объясняется это тем, что статьи этого каталога являются элементами описания коллекций, то есть каталогизации в строгом смысле слова, что подразумевает классификацию предметов по функции, форме, географической принадлежности или источнику поступления.

Напротив, этикетки (номера и тексты) являются элементом учета вещей. Они изготавливались отдельно к каждому предмету или, в некоторых случаях, к группе однородных предметов, индивидуальная характеристика которых считалась задачей второстепенной (например, стрелы). Только приняв во внимание этот момент, мы получим нумерацию, повторяющую ряд номерных этикеток со значком «No.» и соответствующих им текстовых этикеток. Надо только иметь в виду, что открытие этнографами Ведомости Бестужева само по себе не решает проблему идентификации отдельных предметов. Пока можно говорить только об идентификации статей Ведомости Бестужева с этикетками Музеума Адмиралтейского департамента в МАЭ, поскольку в некоторых случаях этикетки оказывались *не на тех* предметах.

Не сразу можно подметить тот факт, что Ведомость редкостям почти полностью унаследовала содержание Ведомости Бестужева. Различие состоит в способе группирования наименований предметов. Можно сказать, Ведомость редкостям — это перевернутая, или вывернутая наизнанку, Ведомость Бестужева. Последняя была построена в соответствии с местами хранения и временем поступления коллекций, причем в наименования многих статей этой описи входит географическое происхождение предмета вроде: «Оружие Маркизских островов одно», «Копье с Сандвических островов одно» и пр. Руководствуясь этими подсказками, члены Комиссии для освидетельствования и сдачи Музеума при составлении Ведомости редкостям просто «перекроили» Описание Бестужева. За основу был взят географический принцип, так что разделы располагаются в порядке упоминания географических названий в Ведомости Бестужева. Это было сделано во исполнение известной резолюции генерал-гидрографа Г. А. Сарычева, которую читали на заседании Комиссии Колодкина 19 декабря 1827 г.:

«Чтобы каталоги редкостям составить с возможною подробностью, означая наименование вещей, равно места и народов где вещи сии употребляемы; а буде возможно; то показать, кем и когда доставлены в Музеум; ибо без такового описания одни формы орудий, одежд и прочее недостаточных удовлетворит любопытство зрителей».

[РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 300 об.]

Ведомость редкостям отвечает всем требованиям Сарычева относительно наименования «места и народов», включая указания («буде возможно»), кем и когда предметы были доставлены в Музеум. Заметим лишь, что структура Ведомости редкостям была предвосхищена в списках вещей, сданных в первой половине 1827 г. в Морской кадетский корпус и Черноморский департамент [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 771. Л. 5–6; № 772. Л. 3–4]. Различие состоит в более подробной классификации «по местам и народам».

О связи Ведомости Бестужева с Ведомостью редкостям свидетельствует и пометка карандашом на листе, открывающем список «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов» (вверху справа): «26 Генваря» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 150]. Почерк и орфография этой надписи не оставляют сомнений в том, что она поставлена в момент передачи вещей из Адмиралтейского департамента в Академию наук, 26 января 1828 г. Таким образом, дата «26 января 1828 г.» повторяется, по крайней мере, уже во втором документе.

Продолжая сопоставление Ведомости Бестужева с номерами и текстами на этикетках этого типа, можно заметить еще одну закономерность. Данная система учета охватывает только те коллекции, которые поступили в Музеум в 1806–1819 гг. Этикетка с наибольшим номером («№. 212.») находится на предмете № 2868-221 («Маута для стрел»), который в Ведомости Бестужева соответствует статье «Лук Новаго Альбиона и при нем три стрелы один», то есть относится к поступлению 1819 г. от Л. А. Гагенмейстера [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 69–186]. Следовательно, скорее всего, «узкие» этикетки со значком «№.» появились в 1819 г.

Отсутствие «узких» этикеток на предметах, появившихся в Музеуме в 1819 г., позволяет датировать печатные номерные этикетки «квадратного» типа («белые» этикетки, по терминологии Е. Петри). Анализ показывает, что ряд «белых» этикеток соответствует сумме вещей, которые упомянуты в «Ведомости редкостям» и «росписках» о получении предметов, отданных в Музеум Морского кадетского корпуса и Музеум при библиотеке Черноморского департамента (приложения 5, 6).

Именно при передаче вещей в эти два учреждения был впервые опробован географический принцип классификации (по народам), в соответствии с которой позднее составлялась Ведомость редкостям. Общего списка предметов на 1827 г., предшествующего этим

трем документам с соответствующей «белым» этикеткам нумерацией, возможно, никогда не существовало. Их изготовление было продиктовано задачами чисто инвентаризационного характера. Если составить таблицу соответствий («вещь — этикетка»), можно заключить, что в основу данного ряда было положено сочетание, точнее смешение, нескольких принципов: время поступления, источник поступления, функция и форма, фактическое расположение вещей в комнатах Музеума. Но главенствующей была классификация по географическому происхождению. Следовательно, «росписки» 1827 г. повторяют систему классификации коллекционных предметов, которая к тому времени уже существовала в Музеуме.

Именно в этот момент этнографические коллекции Музеума были разделены на две части: океанийскую и американскую. Примечательно, что изготовление «белых» этикеток, видимо по случайному совпадению, прекратилось на границе между океанийскими и китайскими / японскими / американскими вещами (на новозеландской резной скульптуре № 736-119 находится «белая» этикетка с самым высоким номером «455»).

Прекращение изготовления «белых» этикеток совпадает с началом передачи вещей в Морской кадетский корпус и Черноморский департамент. Это означает, что в результате исключения из прихода нескольких десятков вещей, на которые уже были наклеены этикетки, существующий цифровой ряд был разорван и дальнейшее продолжение работы с «белыми» («квадратными») этикетками стало попросту бессмысленным. Кроме того, теперь становится понятно, почему на американских предметах в МАЭ найдены только две «белые» этикетки: номер «74» (предмет № 633-28. По Ведомости Бестужева, «Деревянная продолговатая чаша род корыта с Маркизских островов одна»; по Ведомости редкостям, «Ящик длинный род корыта один») и номер «75» (предмет № 2539-16. По Ведомости Бестужева, № 237 — «Мазка колошенская употребляемая при игрищах одна»; по Ведомости редкостям, «[Ящик] круглый наподобие черепахи»). Это как раз те американские предметы, которые в Ведомости Бестужева числились как океанийские («маркизские»). Таким образом, мы получаем возможность датировать появление «белых» этикеток началом 1827 г.

Остается открытым вопрос о существовании каталога, нумерация входных строк которого совпадала бы с направлением номеров на «белых» этикетках. Даже если работа по изготовлению таких

этикеток остановилась где-то посередине, логично предположить, что параллельно должен был составляться, пусть незавершенный, список. С одной стороны, поскольку «белые» этикетки, как это можно видеть на некоторых предметах, наклеивались рядом со старыми, 1819 г., этикетками, номерными и прежде всего текстовыми, в таком списке не было особой надобности, так как в этом случае, с точки зрения изготовителей новых этикеток, «билеты» с текстами содержали всю необходимую информацию о предметах (см. маркизское весло № 736-170 с тремя этикетками 1819 и 1827 гг.). С другой стороны, «белыми» этикетками снабжались предметы из коллекций, поступивших после 1819 г., на которых не могло быть текстовых этикеток.

Введение в Музее нового принципа учета в 1827 г. обусловило и тот факт, что последовательность «белых» этикеток лишь частично («периодами») повторяет последовательность нумерации «узких» этикеток из Ведомости Бестужева, построенной по принципу «время поступления — имя собирателя», соответствующих местам хранения. Напротив, Ведомость редкостям в целом следует системе учета коллекций Музеума, соответствующей «белым» этикеткам, хотя последовательность в нарастании номеров не всегда выдерживается, поскольку члены Комиссии Колодкина (1827) нередко вносили собственные изменения в идентификацию предметов.

Таковы основные принципы «дешифровки» двух каталогов, Ведомости Бестужева (1825) и Ведомости редкостям (1828), и двух типов этикеток, «узких» (1819) и «белых» (1827). Если Ведомость Бестужева попала в поле зрения этнографов совсем недавно, то Ведомость редкостям находится в руках исследователей около столетия, точно так же как и «белые» этикетки, вклеенные в опись коллекции № 736. Оба случая, один из которых кажется более простым, роднит то обстоятельство, что связь между наименованиями вещей в каталогах и этикетками, с одной стороны, как и связь между самими каталогами — с другой, в конечном счете удастся обосновать только «многоступенчатым» способом. Метод непосредственного наложения номеров этикеток на входные строки с наименованиями вещей в каталогах сам по себе не дает положительных результатов. Порядок строк в Ведомости Бестужева все больше смещается от начала к концу, отстает от номеров соответствующих этикеток, поскольку входные строки могут объединять несколько однородных

предметов, тогда как «узкие» этикетки присваивались преимущественно, хотя и не всегда, одиночным предметам, что довольно легко проверить (см. приложение 4).

В целом процедура идентификации наименований в каталогах с конкретными вещами из коллекций МАЭ подчас настолько сложна, что делает необходимым создание весьма пространственных текстов. Поэтому в заключение, не вдаваясь в подробности, мы поделимся некоторыми общими результатами и наблюдениями, которые нам кажутся наиболее значимыми в плане повышения статуса ранних океанийских и отчасти американских коллекций МАЭ. Изучение Ведомости Бестужева и Ведомости редкостям дает возможность вывести представление о коллекции капитана С. Г. Скотта, который в начале 1808 г. продал Музеуму Адмиралтейского департамента «собрание редкостей», частично составленное из этнографических вещей [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1139. Л. 80–81].

К сожалению, два известных варианта списка предметов Скотта в описях Музеума (подлинный указ и подробный реестр вещей, если он был составлен, утрачены еще до 1825 г.) отличаются крайней лаконичностью: дважды упоминаются «орудия и разного рода вещи», один раз — «деревянный щит с деревянным при оном орудии из Новой Зеландии» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 20 об.—21 об.; № 1128. Л. 16–17]. Однако многие вещи капитана Скотта, если на них не сохранились этикетки «Адмиралтейского музея», довольно легко распознаются по наклеенным на них этикеткам с полустертыми надписями коричневыми чернилами на английском языке. Вещи с такими этикетками встречаются как среди океанийских, так и среди американских коллекций МАЭ.

Путем сопоставления этикеток Музеума Адмиралтейского департамента, как «узких», так и «белых», со строками в обоих каталогах, которые говорят о связанных с ними вещах, можно выделить значительное число предметов из коллекции Скотта. Показательно, что при идентификации океанийских предметов их реальное географическое происхождение лишь в очень редких случаях соответствует местностям, указанным в Ведомости Бестужева и Ведомости редкостям: «Сандвичевы острова», «Новая Зеландия», «Отагити», «Фиджи», «Новая Гвинея», «Острова Маркиза Мендозы и острова Нукагива».

На самом деле среди предметов, атрибутированных посредством этих двух списков, под вышеупомянутыми названиями мы

находим в основном австралийские, тонганские вещи или вещи с северо-западного побережья Северной Америки. В дополнение к этому изучение расположения «белых» этикеток в Ведомости редкостям в сочетании с обычной этнографической атрибуцией вещей позволило наметить ряд вещей, происходящих с островов Кука. Наконец, просто перечитывая Ведомость редкостям, можно увидеть то, на что до сих пор, кажется, не обращали внимания — упоминания о вещах с Новой Каледонии.

Рассуждая аналогичным образом, можно предположить, что в собраниях МАЭ есть вещи из экспедиции О. Коцебу (1815–1818). Маршрут его плавания уникален, и следы этого плавания мы находим в Ведомости редкостям: «Острова Румянцева» (Маршалловы о-ва), «Опасный Архипелаг» (о-ва Туамоту), «Пенринские острова» (Тонгарева). Существуют и вполне материальные следы: некоторые вещи из коллекции № 736 атрибутируются как происходящие с Маршалловых о-вов, с о-вов Туамоту и, возможно, с о-ва Тонгарева. Вероятно, коллекция Коцебу в 1819 г. была передана в Адмиралтейский департамент без указа (либо указ был утрачен). О том, что такая коллекция действительно поступала в Музей Адмиралтейского департамента, можно говорить достаточно уверенно, поскольку передача одного из предметов этой коллекции зафиксирована документально. В Генеральной описи МГАД под соответствующим годом говорится, что 11 февраля 1819 г. по указу за № 170 «Поступили в Музей сделанные в модельной мастерской /: с данного на оную от Морского министра образца:/ Модель судна островов Графа Румянцова Г. Коцебу открытым в 1816 г.» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 1–167].

Возможно, эта коллекция была забыта в результате царившей в те годы в Музее неразберихи (в связи со строительством нового здания Адмиралтейства) и вновь возникла из небытия в результате передачи вещей в Музей Морского кадетского корпуса, Музей Черноморского департамента и Музей Императорской Академии наук, то есть событий, сыгравших роль своего рода сплошной инвентаризации коллекций МГАД. В какой-то степени обнаружение следов коллекции Коцебу 1819 г. может решить для нас и вопрос о рыболовных крючках № 505–25 и № 505–26 (о реконструкции Е. Л. Петри коллекции Кука–Бема см. в главе 2).

Однако вернемся к коллекции Скотта. Поскольку русские корабли не посещали Новую Гвинею и Новую Каледонию, упомина-

ния о них в каталогах или на этикетках на английском языке, когда речь идет о вещах из собраний Музеума Адмиралтейского департамента, несомненно должны указывать на стоящую как бы особняком коллекцию капитана Скотта. Так что если собрать воедино все то, что нам известно о географии предметов из коллекции Скотта, вывод может быть достаточно ошеломляющим, с учетом того факта, что на русскую службу он перешел в 1783 г. («принят из английской службы в лейтенанты») [Общий морской список 1890, V: 85]. По крайней мере, какая-то часть его коллекции имеет куковское происхождение. С этой точки зрения особенно примечательно, что в ранних океанийских коллекциях МАЭ мы находим вещи с островов Гервей (Кука). По результатам исследований А. Л. Кепплер, подобных вещей именно из куковских путешествий нет ни в одном музее мира [Kaeppler 1978a: 165]. Те немногие вещи такого рода, что когда-то имелись в европейских собраниях, в настоящее время далеко не всегда удается обнаружить.

Признавая известную спекулятивность вывода о присутствии в коллекции Скотта вещей с о-в Кука, мы можем более уверенно говорить о тонганских вещах. Прежде всего потому, что такого рода вещи, если они находятся внутри коллекции № 736, в первой трети XIX в. не могли быть привезены участниками русских кругосветных плаваний. Так, путем сочетания признаков тонганского происхождения с признаком наличия этикеток МГАД в коллекции № 736 довольно легко (можно даже сказать, неопровержимо) выделяются несколько предметов из коллекции Скотта: копьё № 736-46, 47, палица № 736-176, весла № 736-243, 244.

Итак, сопоставление статей Ведомости Бестужева из Музеума Адмиралтейского департамента с номерными и текстовыми этикетками определенного типа («узкие» печатные этикетки с номерами и рукописные текстовые этикетки, или «билеты» с краткими характеристиками предметов), сохранившимися на многих старинных предметах МАЭ, неопровержимо доказывает принадлежность этикеток этого типа, а следовательно, связанных с ними предметов к упомянутому Музеуму (см.: [Белков 2007: 45–55]).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Помимо «узких» этикеток, которые наклеивались на предметы, на отдельных предметах сохранились навесные «узкие» этикетки с номерами, набранными тем же шрифтом. Эти этикетки напечатаны на тонком картоне зеленого и синего цветов, по форме представляют прямо-

угольники с подрубленными уголками (зеленые внутри поля имеют окантовку, повторяющую форму этикетки). Поскольку все предметы с такими этикетками происходят с Фиджи, Новой Зеландии и Таити, они могут быть документально связаны с коллекцией Ф. Ф. Беллинсгаузена (поступление в МГАД, 1822 г.). Судя по описи Е. Петри, к 1903 г. сохранилось 17 этикеток этого типа. В настоящее время удалось обнаружить только три: «зеленую» этикетку «No.86» на фиджийской палице № 736-35, обрывок «зеленой» этикетки «No.79» на фиджийской палице № 736-33 и «синюю» этикетку «No.228» на таитянском плетеном головном зонтике № 736-230 и «No.231» на чаше из кокосового ореха № 2328-261. Наименьший из имеющихся номеров — «71», наибольший — «270». На таитянском деревянном топорице для очистки кокосовых орехов № 736-165 белой краской нанесен номер «329», возможно, заменивший «синюю» или «зеленую» этикетку.

В пользу того, что «зеленые» и «синие» этикетки относятся именно к вещам из экспедиции Беллинсгаузена, можно привести три довода. Во-первых, некоторые номера «цветных» этикеток повторяют номера «узких» этикеток: «узкая» этикетка No.71 на уже известном нам предмете № 4302-4 («Вид паруса лодки жителей островов Сандвичевых») и несохранившаяся «зеленая» No.71 — на маорийском весле № 736-114. Во-вторых, номера «цветных» этикеток превосходят наибольший из возможных номеров «узких» этикеток 1819 г. Таким образом, с помощью «цветных» этикеток восстанавливаются некоторые участки границы между двумя коллекциями с «глухими» списками — Скотта и Беллинггаузена. Поскольку не все этикетки данного подтипа, упомянутые в Е. Петри при составлении описи № 736 в 1903 г., сохранились до наших дней, при составлении табл. XX пользуемся ее пометами (этикетка на калевасе № 2328-251 обнаружена впервые).

Вернемся к этикеткам образца 1819 г. Ведомость Бестужева представлена нами в виде таблицы, в которой подлиннику соответствуют 2-й и 3-й входные столбцы (документ не имеет собственной нумерации) с добавлением столбцов, приводящих строки документа в соответствие с номерами этикеток и порядковыми номерами предметов из современных океанийских и американских коллекций. За неимением места мы вынуждены жертвовать показом структуры документа, представляя его сокращенный вариант с указанием имен предметов, на которых сохранились инте-

Таблица XX

Этикетки 1822 г.	Имена предметов	Пометы Е. Петри, 1903 г.	№ МАЭ
№.65	Палица	(№ 65 зелен.)	736-115
№.71	Булава	(№ 71 зелен.)	736-114
№.73	Весло	(№ 73 зел.)	736-173
№.77	Палица	(синий № 77)	736-255
№.79	Булава	(№ 79 зеленый)	736-33
№.86	Булава	(№ 86 зеленый)	736-35
№.168	Весло	(№ 168 зелен.)	736-113
№.217	Палица из нефрита	(№ 217 синий)	736-262
№.228	Зонтик	(№ 228 синий)	736-230
№.231	Сосуд из калобасы		2328-251
№.236	Шкатулка	(№ 236 зел.)	736-122
№.237	Шкатулка	(№ 237 зел.)	736-121
№.241	Шкатулка	(№ 241 зел.)	736-123
№.251	Плащ	(№ 251 синий)	736-130
№.253	Плащ	(№ 253 синий)	736-129
№.254	Плащ	(№ 254 синий)	736-134
№.270	Плащ	(№ 270 синий)?	736-133
№.???	Весло	Нитка от навесного номера	736-173

ресующие нас этикетки. Поскольку этикетки такого рода сохранились лишь на отдельных предметах, для составления ряда приходится учитывать не только океанийские, но и американские предметы. При выявлении принципа соответствия строк номерам этикеток важна статистика.

В табл. XXI приведены входные строки, описывающие предметы с сохранившимися этикетками 1819 г. и, соответственно, представляющие тот участок Ведомости Бестужева, где перечислены «Оружия рукоделия и наряды Диких народов», поступившие в Музеум Адмиралтейского департамента до 1819 г. включительно [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 69–149]. Как уже было сказано, вещи, переданные в Музеум после 1819 г., оставшиеся за рамками соответствующей инвентаризации или ревизии, не могли быть снабжены этикетками рассматриваемого типа [Белков 2007: 45–55].

Таблица XXI

п/п	Наименования предметов в Ведомости Бестужева		Этикетки 1819 г.	№ МАЭ
1.	Пик с островов Фиджи две	2	№.1	736-47
			№.[2]	736-46
2.	Палицы, служащие вместо сабли во время сражения с Маркизских островов две	2	№.3	736-175
			(4)	
3.	Оружие Маркизских островов одно	1	[№.] 5	736-174
5.	Булава употребляющаяся в сражении жителями Маркизских островов один		№. [7]	736-177
	NB От капитана Крузенштерна			
10.	Оружий диких, островов Маркиза Мендозы с острова Нукагива два	2	№.13	736-176
11.	Два воинских оружия деревянное и каменное жителей острова Таны, называемые ими Кивас, которое они употребляют в сражении держа в руках и действуя на обе стороны как бы саблями два	2	№.14	736-300
			[№.15]	736-302
	NB Привезены на шлюпе Диане			
13.	Топор каменной островов Маркиза Мендозы, острова Нукагива один	1	№.16	2925-4
	NB От капитана Крузенштерна			
	Камень продолговатый, употребляемый вместо долота с Сандвичских островов один	1	[№.18]	736-303
14.	Копье с Сандвичевых островов одно	1	№.19	736-210
	NB От капитана Скотта			
16.	Лук с Западного берега Америки один	1	№.21	2915-30
	NB От капитана Крузенштерна			
19.	Лук коим жители острова Таны бросают стрелы один	1	№.24	736-285
	NB Привезен на шлюпе Диане			
20.	Лук из Новой Гвинеи для стрельяния птиц один		[№.25]	736-1 (?)
	NB От капитана Скотта			
26.	Сетка охотничья для поклажи птиц с Маркизских островов одна	1	№.33	736-182

Продолжение таблицы XXI

п/п	Наименования предметов в Ведомости Бестужева		Этикетки 1819 г.	№ МАЭ
	NB От капитана Крузенштерна			
27.	Лук из Зунда Нутка (?) один	1	№.34	4193-29
	NB От капитана Скотта			
29.	Весло острова Нукагива одного из Маркизских островов одно	1	№.36	4319-1
	NB От капитана Крузенштерна			
31.	Весел с Маркизских островов два	2	№.39 №.40	736-170 736-171
	NB От капитана Крузенштерна			
33.	Палица к щиту из Новой Зеландии одна	1	№.42	736-185
	NB От капитана Скотта			
35.	Доска из которой бросают бобровья стрелы с острова Кадыяка одна	1	№.46	2888-29
36.	Тож еще одна	1		
	NB От капитана Крузенштерна			
40.	Стрелка с наконечником с острова Кадыяка одна	1	№.50	2888-24
	NB От капитана Крузенштерна			
44.	Каска нерпячья охотников острова Кадыяка одна	1	№.54	2888-89
45.	Маска с Сандвичевых островов одна	1	№.55	633-8
46.	Маска островов Маркиза Мендозы с острова Нукагива одна	1	№.56	633-9
47.	Мазок жителей Ситки две	2	№.57 №.58	2454-14 2448-17
48.	Луков из Египта два	2	№.59	2767-18
	От капитана Скотта			
50.	Рукоделие диких с Сандвических о-вов одно	1	№.64	2868-26
	От капитана Повалишина			
52.	Сумка с острова Кадыяка один	1	№.66	633-2
	От капитана Повалишина			
53.	Искат выплетенный из корня для ноше- ния воды, жителей острова Кадыяка один	1	№.67	2552-1

Продолжение таблицы XXI

п/п	Наименования предметов в Ведомости Бестужева		Этикетки 1819 г.	№ МАЭ
	От капитана Лисянского			
55.	Пояс с острова Уналашка один	1	№.69	2868-25
57.	Вид паруса лодки жителей остро вов Сандвичевых один	1	№.71	4302-4
	От капитана Скотта			
59.	Ложка Алеутских островов одна	1	№.73	633-19
	От капитана Крузенштерна			
63.	Сумочка из собачьей кожи с Алеутских островов одна	1	№.77	2888-80
	От капитана Крузенштерна			
65.	Уда для ловли рыбы Палтусины одна	1	№.79	2539-1
67.	Бубны из птичьих носов жителей Сандвичевых островов двои	2	№.81	633-7
	От капитана Повалишина			
69.	Коуш (?) обвязанный веревкою сделан- ной дикими, которой в продолжении вояжа употребляем был капитаном Портлок от Сандвических островов один	1	№.84	2539-15
	От капитана Скотта			
71.	Деревянная продолговатая чаша род корыта с Маркизских островов одна	1	№.85	633-28
75.	Сумок сделанных жителями острова Кадыка две	2	№.89	633-12
	От капитана Повалишина			
76.	Род праща, называемого острова Таны жителями Казасива, посредством котораго в сражениях бросают оне небольшия копья, один	1	[№.91]	736-287
	С шляпа Дианы			
	Простой веер с Вышингтоновых островов один	1	№.96	736-179
	От капитана Повалишина			
85.	Перевязь или Пояс подаренный Капи- тану Головнину при первом свидании одним из жителей остр. Таны одна	1	№.101	736-288

Продолжение таблицы XXI

п/п	Наименования предметов в Ведомости Бестужева		Этикетки 1819 г.	№ МАЭ
89.	Костяные серьги, которые носят мушины одна	1	№.105	736-183
	От капитана Крузенштерна			
91.	Костяная серьга остр. Маркиза Мендозы (?) Нукагива одна	1	№.107	736-184
92.	Искат выплетенный из корня для разной поклажи жителей остр. Кадьяка	1	№.108	633-4
	От капитана Лисянского			
94.	Зубы, украшения жителя острова Нукагива, которое носят мушины на шее одни	1	№.110	736-191
	Простой веер с Маркизских островов один	1	№.111	736-180
	От капитана Крузенштерна			
95.	Шляпа корневая разукрашенная жителей острова Кадьяка одна	1	№.112	633-17
	От капитана Лисянского			
96.	Шляпа корневая разукрашенная жителей острова Кадьяка одна	1	№.113	633-18
	От капитана Скотта			
98.	Тайонская шляпа с побрякушками в середине жителей острова Кадьяка одна	1	№.115	633-16
	От капитана Лисянского			
	Замшенные сапоги с Алеутских островов одни	1	№.117	# 539
	От капитана Крузенштерна			
101.	Инструмент Кумир называемый которым управляет и повелевает владелец жителей Сандвичевых островов один	1	№.119	2448-24
	От капитана Лисянского			
104.	Пращ называемый жителями острова Таны Тариф один	1	№.122	736-286
112.	Латы деревянные переплетенные с острова Нукагива одне	1	№.130	2454-7

Окончание таблицы XXI

п/п	Наименования предметов в Ведомости Бестужева		Этикетки 1819 г.	№ МАЭ
115.	Кожаное платье из горла сивуча одно	1	№.134	2888-81
120.	Из кишок сделанная камлейка с острова Кадьяка одна	1	№.141	2925-24
124.	Пау желтой материи из коры с Дружеских островов шесть кусков	6	№.150.	4100-4, 5
143.	Нарядная мазка жителей с Северо- Западного берега Американского острова ситки одна	1	№.184	2448-10
144.	Сосуды деревянные употребляемые жителями Северо-Западного берега Америки два	2	№.185	633-29/1
			№.186	633-29/2
147.	Музыкальный инструмент жителей Алеутских островов из носов птиц морских попугаев один	1	№.189	633-6
149.	Копье, коим жители Кадьяка бьют китов один	1	№.191	2888-23
157.	Топор жителей Сандвичевых островов которые ныне (1819 года) весьма редки потому что Сандвичане употребляют железо один	1	№.199	736-202
160.	Палочка, которую жители Сандвичевых островов употребляют при любимой их игре одна	1	№.203	736-225
161.	Опахало коим от старшин и почетных женщин Сандвичевых островов слуги их отгоняют мух один	1	№.204	736-229
162.	Наряд Калифорнийских Индейцев один		№.205	736-295
166.	Игра колошенская в кожаной сумке одна	1	№.210	633-1
168.	Лук Новаго Альбиона и при нем три стрелы один	1	№.212	2868-221

При работе с Ведомостью Бестужева нужно учитывать, что номера этикеток указанного типа помогают безоговорочно установить только принадлежность предметов к собраниям Музеума Адмиралтейского департамента. Само по себе это не позволяет идентифицировать данные вещи с именами конкретных дарителей. К сожалению, уже существующие публикации Ведомости Бестужева мало

соответствуют форме рассматриваемого документа (см.: [Курносов, Ларионов, Соболева 2007: 347–354]). Вносит еще большую путаницу «сращивание» Ведомости Бестужева с сопроводительными списками посредством ссылок, заключенных в квадратные скобки [Там же].

Одновременно следует сделать предупреждение относительно указателей внутри Ведомости Бестужева вроде: «NB От капитана Крузенштерна», «От капитана Лисянского» и т.п., они не являются «пометками на полях» против отдельных вещей, как это может показаться при знакомстве с упомянутой публикацией [Курносов, Ларионов, Соболева 2007: 347–354]. В действительности строки с подобными записями отражают деление вещей на целые группы по их расположению на местах хранения (или экспонирования), причем уже с заметными к тому времени нарушениями топографии отдельных поступлений, в том числе имея в виду связь с сопроводительными списками. Вообще на данном этапе речь пока может идти скорее об идентификации инвентаризационных номеров, присвоенных вещам из коллекций Музеума в 1819 г., с коллекционными номерами МАЭ конца XIX — начала XX в. и в целом о совпадении вектора хронологии поступлений в Музей с вектором возрастания номеров (последовательностью расположения и инвентаризаций). Составление «поименного» списка вещей Музеума Адмиралтейского департамента образует ряд самостоятельных, более простых или сложных, задач, требующих индивидуального подхода к истории появления каждой вещи.

В той части Ведомости Бестужева, в которой описываются коллекции, поступившие до 1819 г., при перечислении отдельных предметов, указываются имена собирателей: «От капитана Крузенштерна», «От Капит.Лейтенанта Повалишина», «От капитана Скотта» и т.п. Это, безусловно, дает некоторое представление о составе коллекции, привезенной Скоттом, так как подробного списка его вещей мы не имеем. К сожалению, А. Я. Готов (по должности — помощник директора Музеума), принимавший в 1822 г. ящики с редкостями из экспедиции Беллинсгаузена, не составил подробные описи этнографическим предметам [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 579. Л. 3, 19, 24–25]. В списке под одним наименованием «Разного сорта оружия Диких народов» числятся 230 предметов. После его смерти в 1825 г. остались списки, в которых самые поздние записи оканчиваются 1819 г. [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 4]. В этом

плане остается лишь надеяться, что указ № 279 от 22 января 1808 г. с подробным сопроводительным списком (самого капитана Скотта или, что сомнительно, директора Музеума графа Ксаверия де Местра) или равный ему по значению документ когда-нибудь будет найден в фондах РГАВМФ. Дополнительная информация, которую мы находим в Ведомости Бестужева, предполагает существование такого списка, пока остающегося для нас недоступным.

Преимущество Ведомости редкостям, в отличие от Ведомости Бестужева, состоит в том, что сквозь нее можно заглянуть внутрь списка вещей из экспедиции Беллинггаузена так же, как посредством Ведомости Бестужева (основанной на классификации вещей по поступлениям и местам хранения) мы как бы заглядываем внутрь списка Скотта. Ведомость редкостям в целом следует системе «географического» учета вещей Музеума, соответствующей нумерации «белых» этикеток (см. приложение 8). Хотя в ней последовательность в нарастании номеров «белых» этикеток выдерживается не всегда, главным образом за счет того, что в Ведомости редкостям однородные вещи, видимо в целях ускорения передачи вещей в Академию, группировались в одну строку.

Этикетки Музеума Адмиралтейского департамента на вещах из Модель-камеры и Морского музея

Этикетки Музеума Адмиралтейского департамента обнаруживаются не только на предметах из коллекции № 736. Например, две «белые» этикетки с номерами «325» и «448» были найдены автором на песте № 4100-26 и маорийской «лейке» (черпаке для вычерпывания воды из лодки) № 4100-27.

Коллекция № 4100 поступила в МАЭ в 1930 г. из Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, то есть в конечном счете из бывшего Музеума Морского кадетского корпуса. Печатная этикетка «448» была заклеена рукописной этикеткой «253», которая соответствует статье в Каталоге механическим и цивильным моделям, составленном в 1834 г.: «Леек деревянных четыре», против которой поставлены объединенные фигурной скобкой номера: 253, 254, 255, 256 [РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. № 10. Л. 45–66 об.].

Отметим, что Каталог механическим и цивильным моделям является одним из двух каталогов новой Модель-камеры, созданных в 1834 г. при окончательной передаче вещей Музеума бывшего

Адмиралтейского департамента в ведомство генерал-интенданта [РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. № 10. Л. 14]. До этого времени вещи воссозданной Модель-камеры оставались в заведовании Комиссии для освидетельствования и сдачи музеума. Второй каталог (Каталог корабельным, судовым и прочим моделям) содержит сведения о моделях лодок из Музеума, ныне хранящихся в Военно-морском музее [РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. № 10. Л. 15–44].

Существует целый ряд этнографических предметов (называемых «моделями» в Каталоге механическим и цивильным моделям), не попавших в Ведомость редкостям в 1828 г., поскольку в тот момент они находились не в комнатах Музеума, а в Модельной мастерской. В каталоге есть пометка, которая гласит, что лейки в числе других этнографических вещей были приняты в Модель-камеру из Модельной мастерской в 1833 г. [РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. № 10. Л. 64 об.]. Воспроизведем в виде табл. XXII интересующую нас часть каталога.

Таблица XXII

Когда и почему поступило	ЧТО ИМЕННО	Щет	№	
Приняты из Модельной мастерской 1833 года	Модели			Здесь
	<...>			
	<...>			
	Сандвичевых островов:			
	Паруса из рыбьего пузыря	1	250	
	Веревки из коры один моток	1	251	
	Островов Ново-Гебрических:			
	Шляпа Острова Табуая, одна	1	252	
	Новой Зеландии:			
	Леки деревянных четыре	4	{253 254 255 256}	
	Льну разной доброты мотков двадцать	20	257	
	Восточного Океана:			
	Неводов разных три	3	{258 259 260}	
Коек Испанских плетенных из травы две	2	{261 262}		

В настоящее время, кроме маорийской лейки № 4100-27, нам известно местонахождение еще одного предмета из этого списка — «Сандвичевых островов паруса из рыбьего пузыря» под номером «250». Эта часть утвари (сумки?), по-видимому, эскимосского происхождения, хранится в фондах Австралии и Океании под номером № 4302-4 и принадлежит к коллекции, поступившей в МАЭ в 1931 г. из Военно-морского музея (1827–1866 гг. — Модель-камера, 1867–1917 гг. — Морской музей¹), в который попали предметы из бывшего Музеума Адмиралтейского департамента, оставшиеся в здании Адмиралтейства после передачи вещей в Академию наук в 1828 г.

На предмете № 4302-4 три читаемые и одна сорванная этикетка. Благодаря этому сам предмет превращается в документ, в котором отражена история нескольких учреждений. Номерная печатная этикетка Морского музея с цифрой «383» и две этикетки Музеума Адмиралтейского департамента: номерная «No.71.», наклеенная на предмет, и текстовая (навесная) с надписью, сделанной чертежным шрифтом: «No.71. ВИДЪ ПАРУСА ЛОДКИ жителей Острова Сандвичевыхъ». На текстовой этикетке от руки поставлен номер «250» поверх более раннего номера «20» (по-видимому, это отметка, сделанная в целях учета вещей в Модельной мастерской). На предмете обнаруживается остаток еще одной, рукописной, этикетки, некогда наклеенной на предмет. В этом обрывке можно опознать одну из «английских» этикеток капитана Скотта. Предлагаемая атрибуция предмета № 4302-4 совпадает с данными Ведомости Бестужева: «Вид паруса лодки жителей островов Сандвичевых один» / «От капитана Скотта» (см. приложение 4).

Дальнейшую судьбу предметов № 4100-27 и № 4302-4 можно проследить по более поздним каталогам Модель-камеры. В 1841 г. произошла очередная передача вещей Модель-камеры. Результатом этого стала «Опись механических и цивильных званий моделям принятым с 1834 Года в Модель Камору из Гидрографического депо

¹ В собрание Центрального военно-морского музея (Морской музей — до 1924 г.) предметы с такими этикетками некогда перешли не только из Модель-камеры, в которой после упразднения Музеума Адмиралтейского департамента в 1827 г. хранились модели лодок, но и из Музеума Морского кадетского корпуса. Во всяком случае при создании Морского музея в 1866 г. предполагалась передача в его собрание части вещей из Музеума Морского кадетского корпуса, в том числе «различных редкостей, привезенных нашими моряками из дальних плаваний» [Огородников 1909: 40–43].

и из других мест» [РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. № 13. Л. 50–64 об.] (см. табл. XXIII).

Таблица XXIII

При приеме на Модельях № находится		Шет
	<...>	
250	Модель паруса из рыбьих пузырей Сандвичевых островов ¹	1
251	Веревочек из коры один моток тожь Сандвичевых острововъ	1
252	Шляпа Ново Гебридскаго острова Табуая	1
253 254 255 256}	Лъежь деревянныхъ изъ Новой Зеландии <i>Отдана въ экипажеския магазины 1839 года февраля 24 дня</i>	4
257	Льну от туда же разной доброты (20 мотковъ/: двадцать	20
258 259 260}	Неводовъ разныхъ изъ восточнаго Океана три	3
261 262}	Коекъ испанскихъ плетеныхъ	2
	<...>	

Таким образом, в 1839 г. одна из леек (видимо, не та, что имеет номер 253) была отдана в Экипажеские магазины (на территории Нового Адмиралтейства), хотя в приходно-расходных книгах Музеума Морского кадетского корпуса значится, что в 1865 г. поступили *четыре* новозеландские лейки [РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. № 4829. Л. 12 об.]. Одной из этих леек, по-видимому, является предмет № 4100-27 (№ 253 по каталогам новой Модель-камеры 1834 и 1841 гг.).

Как уже говорилось, в 1930 г. из Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе поступила только одна лейка № 4100-27. Это соответствует данным «Каталога с.-петербургской модель-камеры», составленного Н. М. Барановым в 1866 г. В этом каталоге упоминаются три невода под № 380, 381, 382 (комментарий: «Все три невода работы жителей островов восточного океана, доставлены М. П. Лаза-

¹ Изменение формы документа превращает «вид паруса» (по Ведомости Бестужева) в «модель паруса».

ревым в 1825 году»), «Модель паруса из пузыря» под № 383 (комментарий: «Доставлена капитаном 1 ранга Лазаревым с Сандвичевых островов»), травяные койки под № 384, 385 (комментарий: «Плетеные из травы койки употреблялись испанцами на острове Куба. Запах этой травы не позволяет заводиться насекомым, что весьма важно в тамошнем жарком климате»), «Шляпа из тростника» под № 386 (комментарий: «Доставлена капитаном В. М. Головинным в 1819 году. Работы дикарей острова Табуая (в Новой Зеландии)»), «Веревка из травы» под № 387 (комментарий: «Веревка из травы работы дикарей Сандвичевых островов, доставлена капитаном 1 ранга Лазаревым в 1819 году»), «Лен» под № 388 (комментарий: «20 образцов льна, различной доброты, растущего в России») [Баранов 1866: 63–64]¹. Какие-либо упоминания о лейках из Новой Зеландии отсутствуют. Таким образом, местонахождение трех остальных, предположительно также новозеландских, леек из этой коллекции новой Модель-камеры в настоящее время неизвестно.

¹ По поводу Каталога Баранова необходимо сделать одно замечание. Как можно судить по комментариям, единственными источниками при составлении каталога могли служить два представленных выше каталога Модель-камеры; добавления, сделанные относительно дарителей и географического происхождения вещей, являются плодом собственных умозаключений Баранова. Приведем один пример, показывающий, как это могло происходить. «Подбирая вещи модель-камеры, — писал Н. М. Баранов, — приходилось нападать на довольно комические сведения, напр., отыскалась модель долбенного — с рогожным парусом — корыта; билет на нем гласил: “лодка, на которой граф Румянцов катался по островам Невы”. Не зная за победителем кагульским подобных эксцентричностей, мы отправились в архив мор. мин. и там, после многих поисков нам удалось решить эту шараду: М. П. Лазарев привез из кругосветного плавания модель лодки диких с островов графа Румянцева» [Баранов 1866: 63–64]. Содержание текстовой этикетки, обнаруженной на модели лодки с островов Румянцева, действительно мало походит на правду, но решение этой загадки, да и еще и со ссылкой на архивные материалы, выглядит не менее удивительно. М. П. Лазарев никогда не бывал на Маршалловых островах. Согласно же Генеральной описи музеума Адмиралтейского департамента, в феврале 1819 г. «поступили в Музеум сделанные в модельной мастерской /: с данного на оную от Морского министра образца; / Модель судна островов Графа Румянцева Г. Коцебу открытым в 1816 г.» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 132а]. По каталогу новой Модель-камеры 1834 г., это «[модель] Судна островов Графа Румянцова» (№ 225) [РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. № 10. Л. 36 об.].

Итак, предметы № 4100-27 и № 4302-4 благодаря сохранившимся на них этикеткам в соединении с документами Модель-камеры и Музеума Морского кадетского корпуса служат краткой «летописью» передачи вещей из одного учреждения морского ведомства в другое после расформирования Музеума Адмиралтейского департамента, пока в начале 1930-х годов они не оказались в МАЭ. «Археология» этикеток на этих предметах неопровержимо свидетельствует, что интересующие нас парные этикетки (см. выше) были изготовлены именно в Музеуме Адмиралтейского департамента. Тем более что этикетки данного типа, номерные и текстовые, встречаются на некоторых других океанийских предметах, переданных в МАЭ из Военно-морского музея и Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе (тапа № 4100-4, маркизское весло № 4319-1).

На океанийских вещах, поступивших в МАЭ из Военно-морского музея и Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, встречаются и другие «белые» этикетки. К сожалению, большинство сохранилось лишь в виде обрывков или даже просто следов от этикеток. Однако есть несколько этикеток с читаемыми номерами (предположительно фиджийский пест № 4100-26, фиджийские копыя № 4303-1 и № 4303-2, фиджийские палицы № 4304-13 и № 4304-16, «палицы-весла» с о-вов Тубуаи № 4310-4 и № 4310-6, копые № 4318-11). Естественно, в контексте проблемы атрибуции старинных вещей даже след от этикетки определенного типа приобретает значение полноценного документа, достаточно точно идентифицирующего источник поступления предмета.

Обстоятельства обнаружения этикеток МГАД на предметах, поступивших в МАЭ в 1930-х годах, подтверждают их датирование 1827 г. Время появления «белых» этикеток, помимо прочего, определяется тем фактом, что нумерация квадратных этикеток охватывает все поступления, включая самые последние — 1824 г. На предмете № 736-226 «деревянном Идоле из Морая Отаити» (от капитан-лейтенанта А. П. Лазарева) [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1204. Л. 15]) в момент регистрации конца XIX — начала XX в. была «белая» (квадратная) этикетка с номером «135». При установлении даты мы исходим из пометок на расписке от 7 марта 1827 г. Против названий некоторых предметов карандашом поставлены номера, соответствующие «белым» этикеткам на предметах из МАЭ [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 772. Л. 3–4].

На предметах № 4100-27 и № 4302-4, оставленных в новой Модель-камере, «белые» этикетки отсутствуют. Следовательно, в Модельной мастерской эти вещи оказались до марта 1827 г., когда происходила передача части вещей в Морской кадетский корпус. Это позволяет датировать появление печатных номерных «белых» этикеток именно началом 1827 г. В отчете Комиссии Колодкина за 1826 г. говорится, что в течение нескольких месяцев после ареста лейтенанта Завалишина, в заведовании которого находилось собрание «Модель каморы» Музеума, комиссия приводила вещи их в «нынешнее устройство», а также упоминается о «ревизии прошедшего времени» вещей, «поступивших в Музеум с 1806 г. по сие время» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 239 об.–240]. Вероятно, имеется в виду «сочинение Генеральной описи всем вообще редкостям бывшим в Музеуме, с начала его основания, по смерти Глотова» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 240].

Неизвестно, что стало непосредственным поводом для изготовления этикеток со сплошной нумерацией, которая охватывала бы все этнографические поступления с момента основания Музеума до составления отчета 1826 г. Отметим, что этикетки МГАД всех типов отпечатаны одним и тем же шрифтом, одним и тем же 11-м кеглем.

Также неизвестно, где находится так и не законченный список, который должен был быть создан при снабжении вещей «белыми» этикетками. Несмотря на это, сохранилось достаточно большое число этикеток (следует учитывать, что на многих предметах имеются только следы от этикеток), чтобы представить, как мог выглядеть этот список (см. приложение 8). Ведомость редкостям в части описания океанийских вещей примерно соответствует нумерации «белых» этикеток (см. приложение 7).